

Дорожная тряска нагоняла сон — в запертой повозке больше всё равно делать было нечего. Проснувшись от шума, Хань Хэн осторожно выглянул наружу. Край неба пылал багряным закатом. Впереди выросла величественная городская стена, но они, судя по всему, внутрь не собирались — повозка плелась в длинной очереди на выезд.

Внутрь бесцеремонно впихнули судок с едой, и дверца захлопнулась с глухим стуком.

На ужин прислали жирные куски баранины, острый соус и короткий нож для срезания мяса. У Хань Хэна загорелись глаза. Изголодавшийся до полусмерти, он набросился на еду с истинно звериной жадностью, забыв о приличиях.

Мясо оказалось на удивление нежным, почти без специфического запаха, сочным и ароматным, а соус приятно обжигал язык.

Закусывая баранину лепёшками, он умял две штуки, прежде чем заметил рядом маленький серебряный кувшинчик. Сняв крышку, Хань Хэн заглянул внутрь одним глазом: там плескалась густая молочно-белая жидкость. Он принялся. Пахло молоком, но с резковатой кислинкой — должно быть, кумыс или какой-то другой хмельной напиток кочевников. Разбираться некогда — сухие лепёшки застревали в горле, а пить хотелось нестерпимо. Припав к горлышку, Хань Хэн сделал несколько жадных глотков, а потом принялся с силой запихивать в себя мясо, жуя до тех пор, пока не заныли челюсти. Лишь когда голод немного отступил, он сбавил темп.

Наевшись до отвала, он откинулся на деревянную стенку повозки и сыто похлопал себя по надувшемуся животу. Дикий, изнуряющий голод наконец-то отступил, а ведь ещё полчаса назад перед глазами плыли голодные круги. Врагу не пожелаешь такого испытания.

Немного передохнув, Хань Хэн попытался трезво оценить своё положение. Меню наводило на мысли о суровых северо-западных краях — быть может, Синьцзян в его прошлой жизни? Но здешний мир устроен иначе, и на этой чужой земле он совершенно потерял ориентиры, не понимая, где север, а где юг.

Хань Хэн бессильно откинул голову, тупо уставившись на единственный слабый огонёк в повозке. Если удастся выбраться, нужно будет раздобыть карту. Насколько он помнил, на материке раскинулись шесть государств, и одно из них уже покорило Великой Лян.

Что за страна эта Великая Лян? И почему Чжуан Лин до сих пор его не спас? Неужели управляющий Чжу действительно дотащит его до самой Лян? Он ведь только-только привык к жизни в Бэйшо, обзавёлся там друзьями, семьёй, надёжными партнёрами по делу...

И ещё... там остался тот, кто искренне им дорожил. Тот, кто стал дорог ему самому.

Начинать всё сначала Хань Хэн не хотел.

Мысли путались, и вскоре его снова сморил сон. В этой тесной повозке, где никогда не гасла лампа, стёрлись любые понятия о времени суток.

Острый нож для мяса он возвращать в судок не стал, припрятав у себя. Пользуясь им, Хань Хэн начал вырезать на деревянной обшивке повозки чёточки — отмечал каждый приём пищи. Жирная баранина пришлась на вечер, так что, ведя счёт по трём трапезам в день, можно было прикинуть пройденное время.

На другой стене он делал зарубки каждый раз, когда повозка резко останавливалась в пути. Так он надеялся вычислить, сколько людей осталось у старины Чжу. До того как ему пришла в голову эта идея, они останавливались уже четырежды — эти штрихи он добавил сразу же, чтобы не сбиться со счёта.

Когда число незапланированных, затяжных стоянок перевалило за десяток, повозка после очередной короткой передышки вновь тронулась в путь.

На этот раз они мчались во весь опор. Трясло так нещадно, что Хань Хэн не мог даже налить себе воды из чайника — пальцы дрожали, и мутные брызги летели прямо на ладони.

Вода в баклажке подходила к концу, едва покрывая дно, но повозка не остановилась бы, даже если бы он сорвал голос. Обитатели внешнего мира сами решали, когда обновить запасы воды, выдать сухой паёк или вычистить ночную вазу. Поначалу Хань Хэн пытался кричать и стучать в дверь, но лишь сорвал горло и заработал невыносимую хрипоту, не добившись ровным счёта ничего.

Получив по голове ночным горшком, управляющий Чжу к Хань Хэну больше не совался. Вместо него надсмотрщиком приставили угрюмого детину в чёрном. Тот постоянно прятал лицо под маской и в обращении был куда суровее Чжу. На любые расспросы он лишь молча косился, а когда их взгляды однажды пересеклись, Хань Хэн прочитал в его глазах такую звериную злобу, что всякое желание общаться отпало само собой.

Сжавшись в комок, Хань Хэн дремал, когда повозка в очередной раз резко затормозила. С трудом открыв глаза, он нащупал припрятанный нож и только собрался прикинуть к щели в полу, как у двери заскрежетал засов.

Он мигом отпрянул назад и привалился к перегородке, притворившись полусонным.

Внутри широким шагом ворвался управляющий Чжу. Схватив Хань Хэна за плечо, он с невиданной прежде грубостью рявкнул:

— Живо на выход!

Хань Хэн потряс головой, силясь разглядеть похитителя. Лицо Чжу было мертвенно-серым,

обветренным, он нервно подёргивал веком. Порыв ночного ветра донёс от него отчётливый запах свежей крови. Хань Хэн попытался рассмотреть, ранен ли тот, но в густых сумерках ничего нельзя было разобрать.

Вокруг стояла глухая ночь. За шесть дней неподвижного заключения ноги Хань Хэна затекли и одеревенели, так что он едва не повалился на землю, сделав несколько неловких шагов.

— Шевелись! — приказал управляющий Чжу, болезненно сжав его плечо своими железными пальцами.

— Полегче! Мне же больно!

Чжу пропустил жалобу мимо ушей и бесцеремонно толкнул его в спину.

Дорога вела круто вверх. Перед ними, растворяясь в чернильной тьме, высился заросший холм. Чжу настойчиво гнал пленника по едва заметной тропе, петлявшей среди сорняков выше человеческого роста. С неба сеяла ледяная морось, залепляя ресницы. Сделав глубокий вдох, Хань Хэн закашлялся — холодный сырой воздух мгновенно вымел остатки сна. Он попытался высвободить руку, но хватка на его плече лишь сильнее сжалась.

— Куда ты меня тащишь? Где мы вообще?

Мокрые, колючие ветви хлестали по лицу. Сердце Хань Хэна тоскливо сжалось от подступающего страха.

Тьма вокруг стояла кромешная — хоть глаз выколи. Дороги под ногами он не видел вовсе и шёл вслепую, то и дело спотыкаясь, удерживаемый лишь грубыми толчками идущего следом Чжу.

— Придётся господину потерпеть здесь пару дней, — глухо отозвался Чжу. — Ни о чём не спрашивайте. Даю слово, через два дня я вернусь и вызволю вас в целости и сохранности.

Вокруг царило зловещее безмолвие, нарушаемое лишь тихим шорохом дождя по листве. Из-за ненастья притихли даже лесные птицы и цикады.

Хань Хэн испуганно оглянулся в надежде увидеть сопровождающих, но тропа позади уже растворилась во мгле. Ни повозки, ни слуг — только они двое посреди глухого леса.

— Послушай, Чжу, я не смогу выжить здесь один! Если ты бросишь меня в этой глуши, через два дня ты найдёшь лишь мой труп. Я просто сдохну с голоду!

— Не беспокойтесь, я оставлю вам провизию.

— Да тут же дикие звери! Они меня живьём сожрут! — окончательно запаниковал Хань Хэн.

— Я завалию вход в пещеру, ни один хищник не проберётся. К тому же... разве у вас нет припрятанного ножа?

Значит, этот старый лис всё знал. Хань Хэн, сглотнув вставший в горле ком, выпалил на одном дыхании:

— Я ничего не помню, драться не умею и защитить себя не смогу! Оставить меня здесь — верная смерть, ты просто убьёшь меня! А если через два дня всё пойдёт наперекосяк? Что, если ты не сумеешь вернуться или не найдёшь дорогу? Как ты тогда отчитаешься перед своим хозяином?

Хань Хэн надеялся, что угроза сорвать задание возымеет действие, но Чжу лишь резко замер. Он медленно повернул голову. В полумраке тускло блеснули его пожелтевшие белки. Взгляд старика — ледяной и хищный — больше напоминал взор загнанной, но смертельно опасной твари.

— На кону стоит судьба Великой Лян, и я сделаю всё, чтобы доставить тебя туда, — процедил управляющий Чжу, и в его голосе отчётливо проступила глухая ненависть. — Из-за тебя я потерял пятнадцать лучших бойцов. Но будь уверен: небо хранит Лян. Наш народ обретёт великого прорицателя. У нас будет Государственный наставник, способный явить миру Дитя небесного мандата.

Прежде Хань Хэн сомневался и в легендах о чудодейственных силах Государственного наставника, и в истинных помыслах своего похитителя. Но сейчас, глядя на фанатичный блеск в глазах Чжу, он окончательно понял: этот человек действительно служит правящему дому Великой Лян, и верность его граничит с безумием.

Пещера, куда его привели, уходила глубоко под землю. Оставив Хань Хэну узел с провизией, Чжу один за другим завалил выход тяжёлыми каменными глыбами.

Внутри было сыро и холодно. Из-за плотно уложенных камней снаружи не доносилось ни звука, так что Хань Хэн даже не мог понять, ушёл ли его мучитель. Оказавшись в абсолютной темноте, он ощупью отыскал узел. Пальцы наткнулись на стопку сухих лепёшек — штук двадцать — и десяток жёстких кукурузных пампушек.

Пока вход ещё не завалили, он успел заметить, что сидит на плоском валуне, а неподалёку поблёскивает небольшое озерцо. Никаких сталактитов на сводах не было — обычный неглубокий грот, образовавшийся сравнительно недавно.

Хань Хэн посидел неподвижно, пытаясь унять дрожь, а затем окоченевшими пальцами извлёк нож. В голову пришла шальная мысль — прорубить лаз наружу. Однако не прошло и пяти минут, как ладонь онемела от резкой отдачи стали о глухой гранит.

Оставив бесполезную затею, он бессильно привалился к валуну. Одежда быстро напиталась влагой, холодная ткань штанов липла к телу, утягивая остатки тепла.

— Эй... Есть тут кто? — без особой надежды позвал он. Собственный хриплый шёпот отразился от стен гулким, пугающим эхом.

— Дьявол... — вяло выругался Хань Хэн и спрятал лезвие. Проковырять проход в скале обычным кухонным ножом — затея глупая. Скорее он сломает руку или превратит клинок в бесполезный огрызок. Оставалось только ждать.

От сухости губы потрескались. Жажда медленно, но верно брала своё, а вместе с ней росла и глухая тревога. Поднявшись на подкашивающихся ногах, он сделал робкий шаг вперёд, затем ещё один, преодолевая страх перед абсолютной темнотой. Наконец подошва погрузилась во что-то влажное. Хань Хэн тут же отпрянул, присел на корточки и осторожно опустил ладонь.

Родник.

Он облегчённо выдохнул. Набрав пригоршню, пригубил — обычная пресная вода. В прошлой жизни он смотрел передачу про Амазонию, где рассказывали об озёрах, пропитанных серной кислотой. К счастью, этот источник оказался вполне пригодным для питья.

Много пить Хань Хэн не решился: ледяная вода могла легко застудить желудок.

С водой и сухими пайками он вполне мог протянуть недели две, если будет экономить. Вот только какого чёрта он должен торчать в этом склепе?

Он впервые по-настоящему возненавидел своё новое тело — хилое, изнеженное, совершенно неприспособленное к борьбе за жизнь.

Будь он крепче физически или умей хоть немного драться, он бы померился силами с Чжу и попытался сбежать. Но теперь сокрушаться поздно.

Хань Хэн вздохнул и на ощупь вернулся к валуну у входа. Ложиться спать в таком холоде было опасно, но усталость взяла своё, и он незаметно провалился в тяжёлое забытие.

Очнулся он от шума яростного ливня. Сквозь закрытые глаза пробивался едва заметный серый свет.

На лоб упала холодная капля. Хань Хэн поднял голову: сквозь узкую щель под самым сводом пещеры, которую Чжу не сумел завалить плотно, проникал дневной свет. В душе забрезжила надежда. Если взобраться наверх, к самому лазу... Пусть сам он там не протиснется, но сквозь эту отдушину можно будет звать на помощь!

Не теряя ни секунды, Хань Хэн начал карабкаться по отвесной стене. Камень упрямо не поддавался, скользил под пальцами, и тогда он принялся выковыривать ножом небольшие углубления для ног. До выхода оставалось каких-то три метра.

Железо со скрежетом крошило гранит. Рукоять безжалостно натирала ладонь и нежную кожу между пальцами. Руки взмокли от пота и крови, но Хань Хэн упрямо цеплялся за крошечные выступы, глядя только вверх. С него градом катился пот, вытесняя пронизывающий холод. Ладони горели огнём от сорванной кожи, но он не разжимал пальцев, зная: стоит остановиться — и силы покинут его окончательно.

Его изнеженное тело покрывалось синяками от малейшего ушиба, а от страстных поцелуев Чжуан Линя на шее по несколько дней не сходили багровые следы. Что уж говорить о тяжёлой работе в каменном мешке. Но Хань Хэн терпел. Опустит он руки сейчас — и больше не заставит себя взять нож.

Снаружи глухо ревел непрекращающийся ливень, и этот рокот отдавался в висках тяжёлым, вибрирующим гулом.

Хань Хэн не смотрел вниз — перед его взором были только вырубленные в скале зацепки.

Вдруг нога сорвалась. Сердце ушло в пятки. В последнее мгновение он чудом успел зацепиться за соседний выступ и намертво впился пальцами в шершавый гранит.

Он тяжело дышал. С опаской глянув вниз, Хань Хэн сглотнул: сорвись он с такой высоты — переломал бы ноги. Кое-как уняв дрожь в коленях, он сделал последнее усилие и подтянулся к заветной щели. Сквозь каменные разломы пробивались спасительные лучи дневного света.

Переведя дух, он полез в карман и похолодел.

Нож исчез.

Должно быть, выскользнул из рук, когда он сорвался.

«Твою ж направо...»

Радость от маленькой победы мгновенно испарилась. Хань Хэн уставился на каменный свод, чувствуя, как подступает глухое отчаяние.

В звенящей тишине подземелья вновь зазвучал зловеющий шёпот Чжу:

«Независимо ни от чего, небо хранит Лян. Наш народ обретёт великого прорицателя. У нас будет Государственный наставник, способный явить миру Дитя небесного мандата»

В полумраке перед глазами соткалось лицо, поразительно похожее на мужчину с того таинственного свитка. Хань Фэн.

Но ведь Хань Фэн — мужчина.

Голова шла кругом.

И Государственный наставник тоже мужчина.

Хань Хэн распахнул глаза. В памяти всплыли обрывки разговоров, услышанных когда-то в придорожной чайной. Тогда сплетни о заморских чудесах казались ему дешёвой фантастикой. Но там упоминали...

Племя Тяньи.

Мужчины этого древнего рода способны вынашивать детей. Значит, Государственный наставник Великой Лян принадлежит к племени Тяньи? И то, что Хань Фэн выглядит точь-в-точь как человек на портрете — вовсе не совпадение! Чжу уверял, будто у них есть неопровержимые доказательства. Но из всех его знакомых с Великой Лян так или иначе были связаны лишь двое: мальчишка, разбивший силой мысли цветочный горшок, и Хань Фэн, назвавшийся его названным братом.

Хань Фэн, который словно сошёл с того самого рисунка...

Если управляющий Чжу не вернётся, можно будет подсунуть им Хань Фэна. Тот ведь и впрямь чистокровный Тяньи!

В ушах шумел проливной дождь. Хань Хэн стиснул зубы. От холода тело едва повиновалось ему.

Он не хотел умирать. Не в этой сырой могиле. Неужели ему не суждено хоть раз в жизни мирно испустить дух в тёплой постели?

Разум плыл, мысли хаотично метались, возвращая его к Чжуан Линю. Он вспомнил те безумные четыре дня, когда они, словно дикие звери, сплетались в объятиях, отдавая себя друг другу без остатка. Хань Хэн едва успел приоткрыть дверь в этот мир чувственного восторга, познать сладость близости, как всё оборвалось. А ведь он так хотел узнать Чжуан Линя получше! Представлял, как изменится лицо любимого, когда тот увидит его настоящий облик — лицо «Пэй Цзя». Хань Хэн хотел любить его, хотел быть любимым и отдаваться этой страсти без остатка, позволяя делать с собой всё, что делают любящие люди.

Он берёг себя две жизни подряд, едва успел распробовать эту сладость — и теперь должен бесславно погибнуть?

Злость захлестнула его. Нет, он так просто не сдастся! Сжав зубы, Хань Хэн посмотрел вниз. Нужно спуститься и вернуть нож.

Он медленно, преодолевая боль, сполз обратно на дно пещеры. Перекусив лепёшкой, разорвал подол рубахи на бинты и плотно перевязал израненные руки. Кожа на ладонях сошла пластами, малейшее прикосновение вызывало судорогу. Но страх отступил перед упрямым желанием выжить. Снова и снова он поднимал взгляд к узкой полоске света наверху. Он выберется отсюда. Обязательно выберется.

У них с Чжуан Линем впереди слишком много незавершённых дел. Он ещё не успел как следует узнать этот мир, не успел испробовать со своим мужчиной все ласки в постели. Нельзя умирать. Нужно карабкаться наружу.

Ведомый этой яростной верой, Хань Хэн до наступления темноты сумел расширить лаз настолько, что в него теперь наполовину проходило плечо. Он мог свободно высунуть голову наружу. Ливень на улице не прекращался, оглушая грохотом падающей воды.

Он продрог до костей. Снаружи раскинулась беспросветная мгла, мокрая листва шумела под напором ветра. Ледяной порыв заставил Хань Хэна шмыгнуть носом и втянуть голову обратно. Но едва его нога нащупала первый уступ, до слуха донёсся смутный крик.

Он замер. Не веря своим ушам, вновь подался вперёд. Сквозь шум стихии прорвался далёкий призыв. Хань Хэн узнал бы этот голос из тысячи, даже если бы его плоть обратилась в прах. Голос, который он жаждал услышать больше всего на свете. Голос Чжуан Линя.

— Хань Хэн! Хань Хэн!

— Молодой господин, уже совсем стемнело! Давайте вернёмся завтра? — донёсся сквозь стену дождя умоляющий голос Цзячу. — Ливень стеной, господин Хань наверняка укрылся где-то в безопасном месте. Здесь же совсем негде спрятаться от грозы...

— Чжуан Лин! Я здесь! Чжуан Лин! Цзячу! Сюда! — изо всех сил закричал Хань Хэн, но сорванное горло выдало лишь жалкий сип. Преодолевая боль, он приподнялся на цыпочках, сясь вытолкнуть плечи наружу.

— Тише! Что это был за звук? — Чжуан Лин резко остановился, вслушиваясь в бушующий ураган.

— Ничего не слышно, — растерянно отозвался Цзячу.

Чжуан Лин, плотно сжав губы, сделал несколько быстрых шагов вперёд. Вдруг его дыхание перехватило. Бросив слугу позади, он рванул вверх по склону.

— Молодой господин, осторожнее! Дождь льёт уже сутки, земля размыта, тут повсюду оползни! Не спешите так, умоляю, вернёмся завтра! — кричал Цзячу, едва успевая за ним.

Но Чжуан Лин будто оглох. Его силуэт двигался сквозь пелену дождя с упрямой решимостью, он упрямо карабкался вверх, не обращая внимания на летящую под ноги грязь.

Хриплые, едва различимые слова доносились всё отчётливее:

— Твою мать... Если уйдёшь... я тебя из-под земли достану...

Протиснув голову в лаз, Хань Хэн до боли затек шеей, но так никого и не увидел. В голову закралась жуткая мысль: вдруг голоса ему просто померещились?

— Хань Хэн! Где ты?! Подай голос! — донёсся властный, срывающийся на крик приказ.

Хань Хэн рванулся вперёд, больно ободрав шею о край камня, но даже не поморщился. Смешивая слёзы, пот и дождевую воду, он завопил из последних сил:

— Сюда, я здесь! Чжуан Лин! Смотри под ноги! Тут расщелина! Видишь?!

Голос его резко оборвался.

Сапог Чжуан Линя наткнулся на что-то мягкое. Он мгновенно отпрянул.

Прямо под его ногами из земли торчала голова. Маска из человеческой кожи от сырости разбухла, пошла уродливыми пузырями и побелела, отчего Хань Хэн сейчас походил на восставшего из могилы мертвеца.

Чжуан Лин задрожал. Сердце пропустило удар. Рухнув на колени прямо в грязь, он дрожащими пальцами бережно подцепил край изуродованной маски и сорвал её.

— Под землёй пещера... У меня шея застряла, — прошептал Хань Хэн. Ему безумно хотелось расплакаться от облегчения, но сил не оставалось совсем. Он сильно задрожал, тело превратилось в кусок льда. — Протолкни меня обратно...

Чжуан Лин, не говоря ни слова, распростёрся на мокрой земле.

— Ты чего...

Роскошные шёлковые одежды, насквозь пропитанные ледяной водой, смешались с дорожной грязью. Наклонившись к самой расщелине, Чжуан Лин коснулся губами его переносицы, а

затем накрыл его рот своими губами.

Когда чужой язык бесцеремонно проник в его рот, Хань Хэн едва не задохнулся. Он широко открыл глаза. В голове наперекор всему вспыхнула мысль: «До чего же он чертовски хорош... И этот невероятный мужчина — мой!» Не будь он зажат в каменных тисках этой проклятой расщелины, он бы прямо сейчас сорвал с себя всю одежду и послушно раздвинул ноги.

За все те бесконечные семь или восемь дней, что прошли с момента похищения, он впервые почувствовал себя по-настоящему живым.

<http://bllate.org/book/20487/2255656>